

Экономика труда и управление персоналом

Научная статья

УДК 331.5

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9956>

JEL: J21; J46

Эмпирическое исследование масштабов и особенностей неформальной занятости в экономике Воронежской области

Е. С. Дашкова¹, Н. В. Дорохова², А. А. Квасова^{3✉}

^{1, 2, 3} Воронежский государственный университет, Университетская пл., 1,
394018, Воронеж, Российская Федерация

Предмет. Неформальная занятость на протяжении длительного периода времени представляет собой серьезную проблему для экономики Российской Федерации, которая заметно актуализируется в условиях социально-экономической нестабильности и нарастания кризисных явлений. Статья посвящена ретроспективному анализу теоретических воззрений на проблему неформальной занятости и ее эмпирическому исследованию в Воронежской области.

Цель. Выявление масштабов и особенностей неформальной занятости в экономике Воронежской области на основе использования социологического инструментария.

Методология. В ходе исследования применялись методы анализа и синтеза, дедукции и индукции, логического конструирования, социологического опроса и графического представления данных.

Результаты. На основе сравнительного анализа данных социологических опросов получены следующие результаты: масштабы неформальной занятости имеют тенденцию к сокращению; всё больше в неформальную занятость вовлекается молодежь; наибольшая доля неформально занятых сосредоточена в сфере услуг; основными причинами выбора неформальной занятости в настоящее время являются преимущества гибкого графика, высокий уровень заработной платы, желание совмещать работу с учебой; в настоящее время неформальная занятость перестала носить вынужденный характер.

Выводы. В результате проведенного исследования, а также на основании анализа научных публикаций и статистических данных сделан вывод, что неформальная занятость представляет собой острую социально-экономическую проблему для России. Обосновано, что политика борьбы с неформальной занятостью должна реализовываться на всех уровнях вертикали власти и консолидировать усилия всех социальных партнеров. Предложены направления совершенствования государственной политики снижения неформальной занятости.

Ключевые слова: рынок труда, занятость населения, неформальная занятость, экономика региона.

Для цитирования: Дашкова Е. С., Дорохова Н. В., Квасова А. А. Эмпирическое исследование масштабов и особенностей неформальной занятости в экономике Воронежской области // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. 2022. № 3. С. 59–68. <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9956>

Введение

Проблема неформальной занятости стала актуальной для России в 90-е гг. XX в. в результате перехода к рыночной экономике и остается

весьма «острой» по настоящее время. Так, согласно данным официальной статистики доля неформально занятых в 2020 г. составила 20 %¹. Данное явление оказывает выраженное отрицательное

© Дашкова Е. С., Дорохова Н. В., Квасова А. А., 2022
© Материал доступен на условиях лицензии CC BY 4.0

¹ Рынок труда, занятость и заработная плата. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries

воздействие на социально-экономическое развитие страны, что проявляется в увеличении прямых экономических потерь, падении уровня и качества жизни, снижении трудового потенциала общества и его инновационной активности. Значительные масштабы неформальной занятости придают неуправляемость процессам, протекающим на рынке труда, искажают представление о реальном спросе и предложении рабочей силы, структурных сдвигах в занятости и доходах населения [18; 20; 24; 26; 27]. Кроме того, ее наличие ведет к развитию оппортунистического поведения у индивидов за счет привыкания к такой форме взаимодействия с работодателем, а следовательно, тормозит развитие российского общества и препятствует переходу к инновационной экономике.

Неформальная занятость имеет ряд черт, которые характерны для всех стран с рыночной экономикой [19; 22; 25]. Во-первых, занятые неформально не входят в сферу действия системы социальной защиты, норм охраны труда и трудового законодательства. Во-вторых, неформальная занятость не поддерживается государственными органами власти и не регулируется ими. В-третьих, неформально занятые работники не могут подтвердить соответствующими документами наличие опыта профессиональной деятельности, что снижает их конкурентную позицию на рынке труда. В-четвертых, уровень дохода и производительность труда в неформальном секторе, как правило, значительно отличаются от формального сектора.

Изучение неформальной занятости в условиях отечественной экономики имеет особое значение, поскольку ее проявление в Российской Федерации достаточно специфично и имеет множество негативных последствий. К настоящему моменту не сформирована единая точка зрения в научном мире по поводу определения неформальной занятости, критериев отнесения к неформальной занятости, причин, способствующих ее распространению. Знание о неформальной занятости расширяет кругозор и культуру специалистов в области управления и помогает лучше понять процессы, протекающие на рынках труда, специфику, причинно-следственные связи, что в свою очередь позволяет в любых, даже нестандартных, на первый взгляд, ситуациях видеть закономерности, истоки возникновения и находить более эффективные пути воздействия на состояние занятости и безработицы.

В России проблему неформальной занятости стали активно исследовать с момента перехода

к рыночной экономике. Среди отечественных ученых-экономистов, изучавших неформальную занятость в концептуальном и эмпирическом аспектах на данном этапе, можно отметить Е. Я. Варшавскую [2], О. В. Синявскую [15], В. Е. Гимпельсона, Р. И. Капелюшникову [4; 9]. В их работах предприняты попытки формирования концептуальных основ исследования неформальной занятости, а также дана статистическая оценка ее масштабов и динамики в стране и регионах, рассмотрены социально-демографические характеристики неформальной занятости, выявлены факторы, определяющие ее развитие в 1990-е гг.

Позднее данная проблема вызвала еще больший научный интерес, который охватывает широкий спектр исследовательских задач: Е. Я. Варшавская, И. В. Донова [3], Т. И. Заславская, М. А. Шабанова [8] (исследование правовых и социальных гарантий неформально занятых работников); Т. Л. Клячко, Е. А. Семионова [12], О. В. Забелина, А. М. Асалиев, Е. С. Дружинина [7] (выявление особенностей, причин и последствий неформальной занятости среди молодежи); М. И. Глинская [5], В. Н. Бобков [1] (разработка подходов к регулированию неформальной занятости).

В условиях кризиса, вызванного пандемией COVID-19, проблема неформальной занятости обострилась и приобрела специфические, не свойственные ей ранее черты, что нашло отражение в работах таких авторов, как А. К. Худайназарова [16], И. П. Мониц [13], Н. В. Капитонова [10] и др.

Немаловажное значение для совершенствования механизма решения проблемы неформальной занятости в экономике Российской Федерации имеет ее исследование в региональном разрезе, чему посвящены работы А. В. Карпушкиной, С. В. Ворониной [11], А. Г. Эскендерова, Г. Г. Гаджиева, В. В. Каширина, Н. Г. Кельбихановой [17], И. В. Новиковой [14] и др.

Учитывая изложенное, целью настоящего исследования выступает выявление масштабов и особенностей неформальной занятости в экономике Воронежской области.

Методы исследования

Оценка неформальной занятости является достаточно сложным процессом. Для измерения этого явления международными организациями разработаны рекомендации, которые учитывают особенности разных стран. Существует множество методов количественной оценки

неформальной занятости, которые в общем виде можно объединить в четыре группы (методы специфических индикаторов; метод мягкого моделирования или оценки детерминантов; структурный метод; смешанные методы). Однако ни один из этих способов не дает объективную оценку этому явлению из-за его сложности и многоаспектности. При этом для исследования неформальной занятости достаточно широко используют социологические методы, которые позволяют глубоко и всесторонне ее изучить. Результаты реализации данных методов дополняют статистическую информацию и дают возможность выявить причины и сущность проблемы неформальной занятости в экономике. Основными этапами реализации социологического исследования авторов выступили:

1) этап подготовки, в ходе которого была разработана программа: определены ключевые понятия, разработаны системы показателей и индикаторов, проведены структурная и факторная операционализации, создан основной инструментарий (анкета), определены доверительная вероятность и доверительный интервал для расчёта выборочной совокупности, сформирован проект обработки полученной информации, план организации и проведения исследования, необходимая документация. Все работы на этом этапе проводились комплексно во взаимосвязи и взаимозависимости;

2) этап проведения социологического исследования, включающий организационно-техническое обеспечение исследования (печать документов, размножение инструментария, формирование списка единиц сбора информации и т. д.), сбор первичной информации, проверку правильности заполнения анкет. Важно отметить, что сбор социологической информации и контроль за качеством этих работ осуществлялся параллельно и эти виды работ дополняли друг друга;

3) этап обработки и анализа социологической информации, который заключался в подготовке полученной в ходе исследования информации к обработке, а также ее непосредственную обработку, т. е. составление группировок и расчет зависимостей, проведение дополнительных вычислений по анализу уже обработанной информации (факторный анализ) и интерпретацию полученных результатов. Обработка результатов осуществлялась с использованием программного продукта SPSS Statistics.

Социологический опрос был проведен

в 2021 г. в Воронежской области методом анкетирования. Основная цель исследования – изучение масштабов и особенностей неформальной занятости в экономике Воронежской области. Выборочная совокупность составила 480 человек. Выборка является репрезентативной по социально-демографическим признакам.

Результаты исследования

По итогам проведенного и обработанного анкетирования нами было получено следующее.

Число неформально занятых составило 18 % от общего количества опрошенных, из которых 6 % – это работники, которые официально трудоустроены, но получают часть заработной платы по «серой» схеме. Среди неформально занятых 15 % трудятся в качестве самозанятых без соответствующей регистрации, т. е. не являются плательщиками налога на профессиональный доход.

Распределение неформально занятых по полу, возрасту и уровню образования представлено на рис. 1–3.

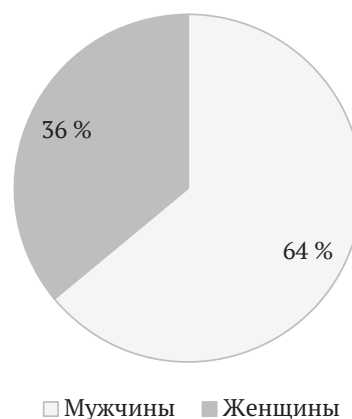

Рис. 1. Распределение неформально занятых по полу, в %

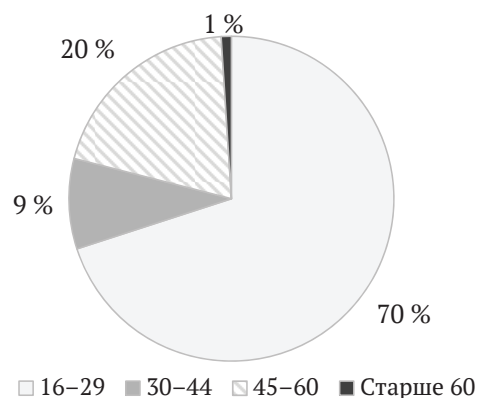

Рис. 2. Распределение неформально занятых по возрасту, в %

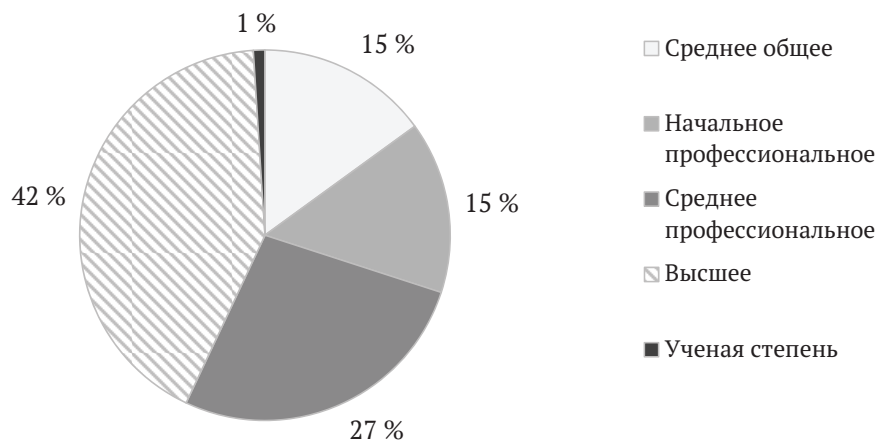

Рис. 3. Распределение неформально занятых по уровню образования, в %

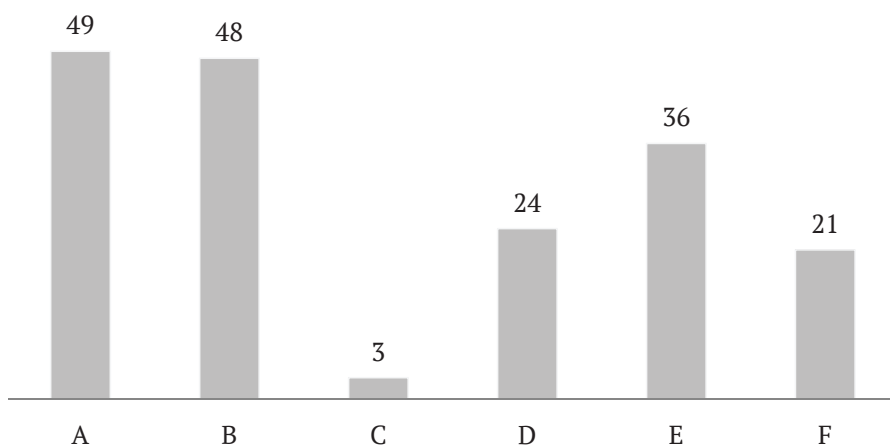

Рис. 4. Мотивы, побуждающие трудиться неформально, в %²

Исходя из полученных результатов, можно констатировать, что неформальная занятость в Воронежской области преобладает среди молодых мужчин, имеющих высшее образование.

Среди неформально занятых большинство трудятся в сфере услуг (51 %). В промышленности работают 6 %, в сельском хозяйстве – 8 % и в строительстве – 11 % от общего количества опрошенных неформально занятых.

На вопрос о профессиональной принадлежности был получен широкий спектр ответов, охватывающий профессии от врача-стоматолога до официанта. Анализ представленных в анкетах профессий позволяет сделать вывод, что большинство из них относятся к списку профессий, разрешенных для самозанятых.

Распределение неформально занятых по количеству мест работы выглядит следующим образом:

- 70 % имеют одно место работы;
- 9 % – два места работы;
- 21 % – три и более мест работы.

Среди мотивов, побуждающих людей трудиться неофициально, респондентами были отмечены следующие (рис. 4).

Таким образом, основными причинами выбора неформальных трудовых отношений являются гибкий график работы, высокая заработная плата и возможность совмещать работу с учебой. Такие результаты во многом объясняются тем, что среди неформально занятых преобладает молодежь, которая преимущественно относится к поколениям «Y» и «Z». Представителей данных поколений отличают ориентация на самостоятельность в выполнении трудовых функций, повышение значимости досуга и свободного времени, стремление к личному успеху и высоким достижениям, адаптивность и мультифункциональность [21; 23]. Это люди, которые позитивно оценивают гибкую

² А – преимущества гибкого графика; В – высокий уровень заработной платы; С – несовершеннолетний возраст; D – невозможность найти официальное место работы; E – желание совмещать работу с учебой; F – возможность совмещать занятость с семейными обязанностями.

занятость, поскольку в совершенстве владеют цифровыми технологиями и постоянно коммуницируют посредством сети Интернет.

При ответе на вопрос о том, желают ли неформально занятые изменить свой статус и перейти в категорию официально занятых, большинство (55 %) из них указало, что предпочитают работать неформально. Учитывая, что основными мотивами выбора неформального характера трудовой деятельности являются ее гибкость и более высокий уровень заработка, это позволяет сделать вывод о добровольном выборе такой занятости. Это также подтверждается отсутствием значимости социальных гарантий для существенного количества неформально занятых работников (отметили 42 %).

При ответе на вопрос относительно воздействия пандемии COVID-19 на масштабы неформальной занятости результаты распределились следующим образом (рис. 5).

Полученные результаты свидетельствуют о том, что существенного воздействия на масштабы неформальной занятости в Воронежской области пандемия COVID-19 не оказала.

Таким образом, проведенное исследование позволило достичь поставленную цель, а именно установить масштабы неформальной занятости в Воронежской области и выявить ее особенности.

Обсуждение результатов

Для установления траектории изменения количественных и качественных характеристик неформальной занятости в Воронежской области проведен сравнительный анализ представленных выше результатов исследования с аналогичными данными по итогам исследований в 2015 г.³ [6]. Так, сравнение результатов исследований позволило констатировать следующее.

1. Масштабы неформальной занятости в исследуемом периоде снизились с 24,1 % в 2015 г. до 18 % в 2021 г., т. е. на 6,1 п.п. Данный результат можно объяснить тем, что в последние годы эта проблема была в центре внимания органов федеральной и региональной власти, бизнес-сообщества и представителей науки. Их консолидированные усилия позволили разработать эффективные инструменты снижения неформальной занятости в регионе, к числу которых можно отнести цифровизацию

³ Методический инструментарий исследований 2021 и 2015 гг. и выборка сопоставимы

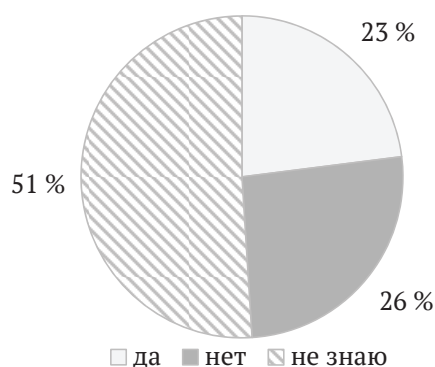

Рис. 5. Распределение ответов на вопрос: «Как Вы считаете, способствовала ли пандемия COVID-19 увеличению числа неформально занятых?», в %

различных бизнес-процессов, финансового и налогового контроля; легализацию самозанятости посредством введения налога на профессиональный доход⁴ и т. д. Исследования неформальной занятости в Российской Федерации и ее регионах, проведенные Росстатом, также свидетельствуют о наличии тенденции к сокращению доли неформальной занятости в 2021 г. по сравнению с 2015 г.⁵

2. Существенные изменения претерпел «портрет» неформально занятого. Если в 2015 г. это был мужчина в возрасте от 16 до 44 лет, с высшим или средним профессиональным образованием, то в 2021 г. – мужчина в возрасте до 30 лет с высшим образованием. Следовательно, неформальная занятость в регионе существенно «помолодела». Основными причинами этого, по нашему мнению, являются, во-первых, выбор населением старшего возраста формальной занятости из-за сопутствующих ей правовых и социальных гарантий, во-вторых, склонность молодого поколения к риску и ориентация на быстрый результат.

3. Структура неформальной занятости в разрезе видов экономической деятельности в исследуемом периоде заметных изменений не претерпела. По-прежнему наибольший процент неформально занятых аккумулирует сфера услуг. Это можно объяснить тем, что сфера услуг остается традиционно источником «неформальности» из-за высокой степени диффе-

⁴ О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_311977/

⁵ Рабочая сила, занятость и безработица в России. URL: https://gks.ru/bgd/regl/B16_61/Main.htm

ренцированности и специфики хозяйственной деятельности. Рост неформальной занятости в 2021 г. отмечается в сельском хозяйстве, а в промышленности она выявлена впервые.

4. За исследуемый период заметно трансформировались причины, побуждающие людей трудиться неформально. Так, если в 2015 г. одной из главных причин выбора неформальной занятости была инициатива работодателя (отметили 26 % респондентов), то в 2021 г. ее не указал ни один из опрошенных. Это свидетельствует о том, что в настоящее время неформальная занятость перестала носить вынужденный характер, а является осознанным выбором работников.

Таким образом, полученные результаты исследования могут быть признаны валидными и формирующими информационную базу для разработки направлений совершенствования государственной политики.

Заключение

В результате проведенного исследования, а также на основании анализа научных публикаций и статистических данных можно сделать вывод, что неформальная занятость представляет собой острую социально-экономическую проблему для России. Именно поэтому на федеральном уровне утвержден План мероприятий по снижению уровня теневого занятости на 2022–2024 гг., предусматривающий комплекс мероприятий организационного, нормативно-правового и контрольно-диагностического характера по легализации неформальной занятости.

На наш взгляд, политика борьбы с неформальной занятостью должна реализовываться на всех уровнях вертикали власти и консолидировать усилия всех социальных партнеров.

Органам государственной власти целесообразно:

Библиографический список

1. Бобков В. Н. Неустойчивая занятость в формальной экономике России – основная причина неформальной занятости // Уровень жизни населения регионов России. 2017. № 1 (203). С. 7–16.
2. Варшавская Е. Я. Занятость в неформальном секторе как феномен современного российского рынка труда // Вестник КузГТУ. 2006. № 3 (54). С. 123–128.
3. Варшавская Е. Я., Донова И. В. Неформальная занятость по найму: грани явления // Известия БГУ. 2012. № 6. С. 130–135.
4. Гимпельсон В. Е. «Неформалы» в российской экономике: сколько их и кто они? М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2011.

– разработать стратегию борьбы с неформальной занятостью в РФ;

– совершенствовать нормативно-правовую базу регулирования нестандартных форм занятости и самозанятости;

– произвести системные изменения, направленные на повышение «прозрачности» финансовой и хозяйственной деятельности физических и юридических лиц, в том числе за счет активизации внедрения цифровых технологий и безналичных расчетов;

– активизировать профориентационную и просветительскую работу в молодежной среде с целью формирования «правильной» модели трудового поведения.

Работодателям рекомендуется:

– расширить систему стимулирования за счет увеличения спектра социальных гарантий, льгот и компенсаций, включения гибких режимов рабочего времени и т. д.;

– усилить взаимодействие с образовательными учреждениями в сфере организации практической подготовки обучающихся;

– активизировать использование института наставничества для эффективной адаптации молодых работников.

Профсоюзным объединениям рекомендуется:

– способствовать расширению профсоюзного движения, в том числе за счет вовлечения молодых работников;

– усилить роль профсоюзов в защите прав трудящихся;

– активизировать законотворческую деятельность.

Конфликт интересов

Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

5. Глинская М. И. Механизм регулирования неформальной занятости на российском рынке труда // Вестник РЭА им. Г. В. Плеханова. 2020. Т. 17, № 4 (112). С. 103–112. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-4-103-112

6. Дашкова Е. С., Дорохова Н. В., Лещева А. И. Неформальная занятость в Воронежской области: проблемы, пути решения // Вестник ВГУ. Серия: Экономика и управление. 2016. № 1. С. 99–103.

7. Забелина О. В., Асалиев А. М., Дружинина Е. С. Проблемы молодежного сегмента российского рынка труда и новые акценты политики поддержки занятости молодежи // Экономика труда. 2021. Т. 8, № 9. С. 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473

8. Заславская Т. И., Шабанова М. А. К проблеме институционализации неправовых социальных практик в России: сфера труда // Мир России. Социология. Этнология. 2002. Т. 11, № 2. С. 3–38.
9. Капелюшников Р. И. Неформальная занятость в России: что говорят альтернативные определения? М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012.
10. Капитонова Н. В. Тенденции развития неформальной занятости в условиях пандемии // Теневая экономика. 2021. Т. 5, № 3. С. 223–232. DOI: 10.18334/tek.5.3.113418.
11. Карпушкина А. В., Воронина С. В. Волатильность занятости в неформальном секторе регионов России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Экономика и менеджмент. 2015. Т. 9, № 2. С. 18–24.
12. Клячко Т. Л., Семионова Е. А. Неформальная занятость молодежи // Экономическое развитие России. 2019. Т. 26, № 8. С. 82–92.
13. Монич И. П. Неформальная занятость в России в условиях пандемии // Теневая экономика. 2020. Т. 4, № 4. С. 205–212. DOI: 10.18334/tek.4.4.111848.
14. Новикова И. В. Неформальная занятость как составляющая экономики Дальневосточного федерального округа // Бизнес. Образование. Право. 2014. № 3 (28). С. 183–186.
15. Синявская О. В. Неформальная занятость в России: измерение, масштабы, динамика // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 2. С. 12–28.
16. Худайназаров А. К. Оценка влияния пандемии коронавируса на неформальную занятость в Узбекистане // Теневая экономика. 2020. Т. 4, № 3. С. 159–178. DOI: 10.18334/tek.4.3.110712.
17. Эскендеров А. Г. и др. Неформальная занятость в трудоизбыточном регионе: подходы к оценке масштабов и динамики // Региональная экономика: теория и практика. 2017. Т. 15, № 9 (444). С. 1654–1668. DOI: 10.24891/re.15.9.1654
18. Bailey M. J. National Income and the Price Level: A Study in Macroeconomic Theory. New York, McGraw–Hill, 1971.
19. Bennett N., Lemoine G. J. What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world // Business Horizons. 2014. Vol. 57 (3). P. 311–317.
20. Cahill K., McNamara T., Catsoupes M., Valcour M. Linking shifts in the national economy with changes in job satisfaction, employee engagement and work–life balance // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2015. June. P. 40–54. DOI: 10.1016/J.SOCEC.2015.03.002
21. Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13 (2). P. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18.
22. Graetz G., Restrepo P., Skans O. Technology and the Labour Market // Special Issue on "European Association of Labour Economists, 30th annual conference, Lyon, France. 2018.
23. Isgin E., Sopher B. Information transparency, fairness and labor market efficiency // Journal of Behavioral and Experimental Economics. 2015. Vol. 58 (4). P. 33–39. DOI: 10.1016/J.SOCEC.2015.06.005
24. Okudaira H., Takizawa M., Yamanouchi K. Minimum wage effects across heterogeneous markets // Labour Economics. 2019. Vol. 59(102). P. 110–122. DOI: 10.1016/j.labeco.2019.03.004
25. Policardo L., Carrera E., Risso W. Causality between income inequality and corruption in OECD countries // World Development Perspectives. 2019. Vol. 14. P. 1–1. DOI: 10.1016/J.WDP.2019.02.013
26. Standing G. Unemployment and Labor Market Flexibility. The United Kingdom. Geneva : ILO, 1986.
27. Wilthagen T., Tros F. "The Concept of 'Flexicurity': a new approach to regulating employment and labour markets" in 'Flexicurity: Conceptual Issues and Political Implementation in Europe // Tanfer, European Review of labour and research. 2004. Vol. 10 (2). P. 166–186.

Дашкова Екатерина Сергеевна, д-р экон. наук, доцент, заведующий кафедрой экономики труда и основ управления, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

E-mail: dashkova-82@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7323-0788

Дорохова Наталья Васильевна, д-р экон. наук, профессор кафедры рекреационной географии, страноведения и туризма, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация

E-mail: nv_dorohova@mail.ru
ORCID ID: 0000-0001-7092-2623

Кvasова Анастасия Александровна, социолог 1 категории лаборатории социологических исследований, Воронежский государственный университет, Воронеж, Российская Федерация
E-mail: kvasova@hist.vsu.ru
ORCID ID: 0000-0002-9270-8094

Поступила в редакцию 31.05.2022
Подписана в печать 26.07.2022

Labour Economics and Human Resource Management

Original article

UDC 332.1

DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9956>

JEL: R10

Empirical study of the scale and characteristics of informal employment in the economy of the Voronezh Region

E. S. Dashkova¹, N. V. Dorokhova², A. A. Kvasova^{3✉}

^{1,2,3} Voronezh State University, 1 University sq., 394018, Voronezh, Russian Federation

Subject. Informal employment has been a long-standing problem that seriously affects the economy of the Russian Federation and its regions. This problem becomes even more acute in the context of socio-economic instability and growing crisis. The article presents a retrospective analysis of theoretical views on the problem of informal employment and its empirical study in the Voronezh Region.

Purpose. Identifying the scale and characteristics of informal employment in the economy of the Voronezh Region using sociological tools.

Methodology. The study involved using methods of analysis and synthesis, deduction and induction, logical construction, sociological survey, and graphic representation of data.

Results. A comparative analysis of data collected by sociological surveys provided the following results: informal employment tends to decline; young people are increasingly involved in informal employment; the largest share of informal employment is concentrated in the service sector; the main reasons for choosing informal employment at present are the advantages of flexible working hours, high wages, the desire to combine work and study; informal employment has now ceased to be of forced nature.

Conclusions. The study and the analysis of scientific publications and statistical data allowed concluding that informal employment is an acute socio-economic problem in Russia and its regions. It was justified why the policy of combating informal employment should be implemented at all levels of governance and should consolidate the efforts of all social partners. The authors proposed paths for improving state policy aimed at reducing informal employment.

Key words: labour market, employment, informal employment, economy of the region.

For citation: Dashkova, E. S., Dorokhova, N. V., Kvasova, A. A. (2022) Empirical study of the scale and characteristics of informal employment in the economy of the Voronezh Region. *Proceedings of Voronezh State University. Series: Economics and Management. (3)*, 59–68. (In Russ., abstract in Eng.). DOI: <https://doi.org/10.17308/econ.2022.3/9956>

Conflict of Interest

The authors declare no apparent or potential conflicts of interest related to the publication of this article.

References

1. Bobkov, V. N. (2017) [Unstable employment in the formal economy of Russia is the main cause of informal employment]. *Journal «Living Standards of the Population in the Regions of Russia»*. 1(203), 7–16. (In Russian)

2. Varshavskaya, E. Ya. (2006) [Employment in the informal sector as a phenomenon of the modern Russian labor market]. *Bulletin of the Kuzbass state technical university*. 3(54), 123–128. (In Russian)
3. Varshavskaya, E. Ya. & Donova, I. V. (2012) Informal employment: characteristics of phenomenon. *Bulletin of Baikal state university*. 6, 130–135. (In Russian)
4. Gimpelson, V. E. (2006) ["Informals" in the Russian economy: how many of them and who are they?]. M.: HSE university publ.
5. Glinskaya, M. I. (2020) Mechanism of regulating informal employment on Russian labour market. *Vestnik of the Plekhanov Russian University of Economics*. 4 (112), 103–112. DOI: 10.21686/2413-2829-2020-4-103-112 (In Russian)
6. Dashkova, E. S., Dorokhova, N. V. & Leshcheva, A. I. (2016) Informal employment in the Voronezh Region: problems solutions. *Proceedings of Voronezh state university. Series: Economics and Management*. 1, 99–103. (In Russian)
7. Zabelina, O. V., Asaliev, A. M. & Druzhinina, E. S. (2021) Problems of the youth segment of the Russian labour market and novelties of the youth employment policy. *Russian Journal of Labour Economics*. 9, 985–1002. DOI: 10.18334/et.8.9.113473 (In Russian)
8. Zaslavskaya, T. A. & Shabanova, M. A. (2002) On the problem of institutionalization of non-legal social practices in Russia: the sphere of labor. *Universe of Russia. Sociology. Ethnology*. 2, 3–38. (In Russian)
9. Kapeliushnikov, R. I. (2013) Informality in the Russian labour market: what do alternative definitions tell us? M.: HSE university publ.
10. Kapitonova, N. V. (2021) Informal employment development trends amid a pandemic. *Shadow economy*. 3, 223–232. DOI: 10.18334/tek.5.3.113418. (In Russian)
11. Kapushkina, A. V. & Voronina, S. V. (2015) Volatility of employment in informal sector of Russian Regions. *Bulletin of the south state university. Series: economics and management*. 2, 18–24. (In Russian)
12. Klyachko, T. L. & Semionova, E. A. (2019) Informal youth employment. *Russian economic development*. 8, 82–92. (In Russian)
13. Monich, I. P. (2020) Informal employment in Russian amid a pandemic. *Shadow economy*. 4, 205–212. DOI: 10.18334/tek.4.4.111848 (In Russian)
14. Novikova, I. V. (2014) Informal employment as a component of the economics of the Far Eastern Federal District. *Business. Education. Right*. 3(28), 183–186. (In Russian)
15. Siniavskaya, O. V. (2005) [Informal employment in Russia: measurement, scale, dynamics]. *Journal of economic sociology*. 2, 12–28. (In Russian)
16. Khudaynazarov, A. K. (2020) Assessment of the impact of the coronavirus pandemic on informal employment in Uzbekistan. *Shadow economy*. 3, 159–178. (In Russian)
17. Eskenderov, A. G. et al. (2017) Informal employment in the labor-surplus Region: approaches to assessing the extent and dynamics. *Regional economics: theory and practice*. 9(444), 1654–1668. DOI: 10.24891/re.15.9.1654 (In Russian)
18. Bailey, M. J. (1971) National Income and the Price Level: A Study in Macroeconomic Theory. New York, McGraw-Hill.
19. Bennett, N. & Lemoine, G. J. (2014) What a difference a word makes: Understanding threats to performance in a VUCA world. *Business Horizons*. 57(3), 311–317.
20. Cahill, K. et al. (2015) Linking shifts in the national economy with changes in job satisfaction, employee engagement and work-life balance. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. June, 40–54. DOI: 10.1016/j.SOCEC.2015.03.002
21. Fossen, F. & Sorgner, A. (2019) Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs. *Foresight and STI Governance*. 13(2), 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18.
22. Graetz, G., Restrepo, P. & Skans, O. (2018) Technology and the Labour Market. In: Special Issue on "European Association of Labour Economists, 30th annual conference, Lyon, France.
23. Isgin, E. & Sopher, B. (2015) Information transparency, fairness and labor market efficiency. *Journal of Behavioral and Experimental Economics*. 58(4), 33–39. DOI: 10.1016/j.SOCEC.2015.06.005
24. Okudaira, H., Takizawa, M. & Yamanouchi, K. (2019) Minimum wage effects across heterogeneous markets. *Labour Economics*. 59(102), 110–122. DOI: 10.1016/j.labeco.2019.03.004
25. Policardo, L., Carrera, E. & Risso, W. (2019) Causality between income inequality and corruption in OECD countries. *World Development Perspectives*. 14, 1–1. DOI: 10.1016/J.WDP.2019.02.013
26. Standing, G. (1986) Unemployment and Labor Market Flexibility. The United Kingdom. – Geneva: ILO.
27. Wilthagen, T. & Tros, F. (2004) "The Concept of 'Flexicurity': a new approach to regulating employment and labour markets" in 'Flexicurity: Conceptual Issues and Political Implementation in Europe. Tanfer, *European Review of labour and research*. 10(2), 166–186.

Ekaterina S. Dashkova, Dr. Sci. (Econ.), Assoc. Prof., head of Labour Economics and Management Fundamentals Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

E-mail: dashkova-82@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7323-0788

Natalia V. Dorokhova, Dr. Sci. (Econ.), professor of Recreational Geography, Country Studies, and Tourism Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

E-mail: nv_dorohova@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-7092-2623

Anastasia A. Kvasova, sociologist of Sociology and Political Studies Department, Voronezh State University, Voronezh, Russian Federation

E-mail: kvasova@hist.vsu.ru

ORCID ID: 0000-0002-9270-8094

Received 31.05.2022

Accepted 26.07.2022